

Портреты предков? Может, это какой-то особый обычай?

В эту минуту, хотя вокруг было полно людей, Чжоу У ощутил невыразимый ужас. Несмотря на холод, спина покрылась испариной, и стоило ветру дунуть — как его пробирало до костей.

Ему казалось, что он смотрел очень долго, но когда У Яо хлопнул его по плечу, приводя в чувство, Чжоу У понял: прошло всего пара секунд. Идущая впереди невеста ушла от него всего на несколько шагов.

— Ты чего? — прошипел У Яо. — Хватит по сторонам глазеть!

Чжоу У очнулся. Стоявшие рядом сельчане косились на него странными взглядами. Он торопливо забормотал извинения, отвёл глаза и поспешил дальше за колонной.

Пройдя ещё метров десять, он вспомнил кое-что и обернулся: у ворот той роскошной усадьбы, в отличие от других домов, не стояло ни одного жителя.

Съёмочная группа шла и переговаривалась вполголоса. Все сошлись во мнении: здешние жители разительно отличаются от людей других деревень.

Им доводилось бывать и в других глухих сёлах — там местные тоже интересовались приезжими, но с открытым, доброжелательным любопытством. Не то что здесь: не здороваются, не разговаривают, смотрят как на воров.

— В каждом месте свои обычаи. Может, здесь просто такая специфика, — сказал У Яо.

Хэ Хай кивнул:

— Я изучал материалы. Родовые книги здешних жителей никак не связаны с окрестными деревнями. Копнёшь вглубь — концов не найти. Скорее всего, это переселенцы.

— Тогда это и правда любопытно, — вставил Дин Чэн. — Говорят, немало ответвлений пришло с юго-западных окраин. Чтобы искать концы, надо копать в тамошних архивах.

Группа продолжала снимать. Дорога петляла, соединяя строение за строением. Некоторые дома прятались в густой зелени — не приглядишься, пройдёшь мимо.

В воздухе после дождя висела влажная дымка. Невесты в тонких свадебных нарядах, казалось, вовсе не мёрзли.

Чжоу У не удержался:

— Ну и морозоустойчивые.

У Яо восхищённо протянул:

— Больше всего на свете я преклоняюсь перед девушками, которые зимой носят чулки.

— Точно, — подтвердил Чжоу У. Из его приоткрытых губ вырывались клубки белого пара. Тепло уходило, и ему пришлось глотнуть горячей воды, чтобы согреться.

Минут через тридцать они добрались до конечной точки — почти на самой вершине.

Это была огромная площадка, а в её конце возвышался большой зал: серые каменные стены, красная черепица. Всё выглядело удивительно новым. Двери — киноварно-алые, но краска отдавала каким-то мутным оттенком, словно чернелась изнутри.

— У них тут все традиционные свадьбы такие пышные? — тихо пробормотал У Яо. — Уж больно не вяжется со всей деревней.

По размаху этот зал напоминал ту самую роскошную усадьбу — оба строения выглядели как два павлина среди курятника.

Чжоу У тоже недоумевал:

— Может, они просто очень серьёзно относятся к свадьбам. Дело-то всей жизни.

Он огляделся: некоторые сельчане заканчивали украшать зал. На группу они не обращали внимания, но те, кто стоял у входа, не сводили с них глаз.

Перед воротами громоздились корзины с цветами и всевозможные украшения. Форма корзин была странной; на них висели бумажные полоски. Издалека можно было разглядеть, что на них написаны имена.

Вдруг У Яо воскликнул:

— Скорее, обернитесь!

Чжоу У обернулся.

Незаметно на дороге, по которой они только что пришли, натянули длинную багровую шёлковую ленту — от самого начала пути до этой площадки. Она тянулась вдоль домов, у каждого крыльца.

Тёмно-красное полотно расстилалось перед глазами, и в голове Чжоу У родилась жуткая мысль: если посмотреть отсюда сверху, эта лента будет похожа на кровь, стекающую по горному склону.

Оператор, увидев это, поспешил воспользоваться моментом и обошёл площадку с камерой на триста шестьдесят градусов. Из-за этого сельчане заметили их и начали прогонять.

Цай Юй тут же принялся раздавать сигареты и заговаривать зубы. Кое-как смягчил обстановку, но снимать больше не позволили.

Впрочем, оператор уже успел ухватить всё нужное и коротко кивнул Хэ Хаю.

К ним подошёл мужчина средних лет, одетый явно не так, как обычные жители. На лице — недовольство. Он прикрикнул на них на едва понятном диалекте:

— Здесь снимать запрещено! Удалите то, что только что сняли!

Цай Юй протянул ему сигарету — тот не взял.

Цай Юй тихо перевёл: это деревенский староста.

Хэ Хай вытянул из кармана толстый красный конверт и протянул ему:

— Ну что вы, свадьба ведь — радостное событие. Мы тоже хотим внести свой подарок. Может, пойдёте нам навстречу? Мы только снаружи посъёмаем.

Староста даже не взглянул на конверт. Его взгляд вдруг остановился на Чжоу У, стоявшем в центре группы. Ему было за пятьдесят: хрусталики глаз слегка помутнели, серые зрачки бегали вверх-вниз, оценивающе изучая юношу.

От этого взгляда было не по себе. Чжоу У машинально опустил глаза и осмотрел свою одежду.

Что-то не так?

В этот момент к старосте подошёл молодой сельчанин и что-то зашептал ему на ухо. Взгляд старосты замер на лице Чжоу У, на его лице отразилось удивление.

Цай Юй, почуяв неладное, наклонился к Хэ Хаю и предложил перейти к съёмке в других местах — не стоит упираться здесь.

Хэ Хай понимающе кивнул и жестом позвал команду уходить.

Отойдя метров на десять, Чжоу У снова обернулся: староста всё ещё смотрел на него издалека. По спине пробежал холодок.

Стоило ему войти в эти горы — и он стал болезненно чувствителен ко всему.

На полпути У Яо вдруг просиял:

— А этот староста, похоже, ценитель красоты! Может, наш красавчик пустит в ход обаяние — глядишь, старик и пропустит нас внутрь?

Чжоу У: «...»

Он презрительно глянул на У Яо:

— А чего ж ты сам обаянием не поработаешь?

У Яо с искренним сожалением вздохнул:

— Если б мог продать — с удовольствием бы!

Чжоу У: «...» Ну и позерство.

Причёска У Яо — короткий ёжик, кожа смуглая. Он был чуть ниже Чжоу У, черты вполне пристойные, но, будем честны, до планки «продажной красоты» явно не дотягивал.

Когда они отошли от процессии, обстановка разрядилась. Кое-кто поддакнул У Яо: у старосты и правда взгляд плутоватый, глядишь, задумал заполучить Чжоу У себе в зятя-примаки.

Чжоу У: «...»

Эти шутки услышал Цай Юй — и, к удивлению всех, кивнул:

— У старосты и правда есть дочь. Как раз двадцать в этом году исполнилось. Может, и в самом деле надумал. Ты вон какой красивый.

Чжоу У неловко усмехнулся:

— У меня ни квартиры, ни машины. Не пара мы...

— Ай, ну вы, городские, всё усложняете. У нас так: если друг другу по душе — хоть дурак на слепой женись, никто слова не скажет, — заметил Цай Юй.

Чжоу У поначалу не принял это всерьёз, но после таких слов слегка забеспокоился. Впрочем, работа быстро отвлекла — и он забыл об этом.

За день они отсняли гораздо больше материала, чем в прошлый раз. Но, кроме утреннего «дефиле невест», ничего особо интересного на подготовительном этапе не происходило.

По пути обратно они проходили мимо домов сельчан. Перед каждым крыльцом были наклеены красные парные надписи — но выведены таким корявым почерком, словно рукой врача-каллиграфа. Разобрать удавалось хорошо если пару иероглифов.

По итогу дня выявилась одна общая черта: сельчане полностью игнорировали чужаков. Чжоу У пробовал заговаривать с некоторыми — ответа почти не получил. У Яо ворчал, что у них у всех наследственный паралич мимики.

Хлопоты затянулись до самого вечера. Когда почти стемнело, группа отправилась в единственную деревенскую забегаловку. Хозяева обслуживали спустя рукава — оно и понятно: на десятки ли вокруг других едален не было.

На столе оказались только варёная в воде капуста и «мясные» блюда, красные как кровь от масла, в которых мяса не увидишь.

Чжоу У побоялся притрагиваться к «мясу» и обходился едва бланшированной капустой да рассыпчатым рисом. Кое-как утолил голод.

У Яо жевал с зелёным лицом. У Ху Юя лицо было точь-в-точь такое же — оба они были из тех, кто «без мяса не жизнь».

Отчаявшийся У Яо предложил:

— Давайте купим у сельчан мяса и овощей, готовить сами. У нас же есть походная сковорода и посуда? Ещё пару дней такой еды — и я боюсь, кости мои останутся в Гуйчжоу.

— Не преувеличивай... — начал Хэ Хай и одновременно закинул в рот кусок мяса, тонущего в красном масле.

На глазах у всех его лицо побагровело, шея пошла красными пятнами. Он потянулся за водой.

Отпив, Хэ Хай заговорил уже слегка изменившимся голосом.

Чжоу У с любопытством спросил:

— А в прошлый раз как вы питались?

Дин Чэн ответил:

— В прошлый раз мы жили на лапше быстрого приготовления. Каждый приём пищи — лапша. Мы сами чуть в лапшу не превратились.

Чжоу У сочувственно поморщился.

После этого группа решила последовать совету У Яо: готовить самим.

Они обошли всю деревню, но ни мяса, ни риса, ни муки в продаже не нашли.

Цай Юй объяснил: сельчане сами разводят кур и уток, выращивают овощи и фрукты, а между собой только меняются. Всё остальное завозит закупщик — раз в неделю приезжает на грузовике.

В итоге группа договорилась с ним: пусть их снабженец съездит на грузовике за сто ли до посёлка и привезёт продуктов.

Но выезжать надо только утром: в шесть утра, туда-обратно — четыре часа. Значит, к обеду, может, и удастся приготовить нормальную еду.

К концу ужина уже стемнело окончательно.

Вернувшись в дом Цай Юя, Чжоу У вдруг спросил:

— Кто-нибудь из вас вообще умеет готовить?

Все взгляды устремились на Ван-цзе. Та неловко улыбнулась:

— Извините, дома у нас муж готовит.

Из оставшихся мужиков только Дин Чэн умел сварить простенькую лапшу — остальные жили на «доширак-подобных».

Чжоу У, при всех своих белых изящных руках, с детства был безрук. Устав от доставки, он однажды купил овощей, замахнулся приготовить сам — и в итоге всё свелось к тому, что

арендодатель стал регулярно проверять кухню.

В тот раз он взорвал микроволновку.

Цай Юй, стоявший рядом, всё это слышал. Он оскалился в широкой белозубой улыбке:

— Уважаемые гости, я могу для вас готовить!

У У Яо загорелись глаза:

— А ты хорошо готовишь?

— У нас, у холостых мужиков, все хорошо готовят, — ответил Цай Юй.

У Яо оживился:

— Это звучит убедительно.

Чжоу У: «...» Ты, малярная кисть.

В итоге стороны дружелюбно поторговались и сошлись на ста юанях за приём пищи — как-никак, много ртов, накормить непросто.

У Яо заинтересовался этим «мастером на все руки»:

— Слушай, брат, с такой хваткой — что ты в деревне сидишь? Обычно землю пахешь, кур кормишь?

Услышав это, Цай Юй вздохнул:

— Ох, не говорите. Раньше к нам приезжали, старосту уговорили — вроде как решили развивать туризм.

— И что дальше? — оживился У Яо.

— Я, конечно, хотел первым в дело влезть, а потом — кто ж знал, старый староста внезапно тяжело заболел и умер. Все говорили — это проклятие. Новый староста пришёл, дело и заглохло. Так что беру я подработки, время от времени езжу в закусочные, оттуда сюда клиентов приманиваю.

— Клиентов? Это ж глушь и глухомань, чего тут вообще смотреть? — не понял У Яо.

Цай Юй пояснил:

— Э, брат, не скажите. Сейчас туристы обожают места, которых на карте нет. Чтоб других туристов не было, чтоб глушь — фотки в соцсети выкладывать.

— И то верно... — У Яо в это охотно поверил.

Здесь и правда — глухомань несусветная, первозданная природа. Идеально для того, чтобы понтоваться в соцсетях. Можно потом рассказывать, как забирался в дебри леса, как искал приключений, как встречал самого Беара Гриллса.

Цай Юй, боясь, что У Яо не поверит, добавил:

— У нас тут за горой ещё водопад есть. Туристы туда любят заглядывать. В год человек сто набирается.

Цай Юй был примерно одного роста с Чжоу У, одевался проще, но опрятно — на фоне большинства сельчан выглядел ухоженно.

Чжоу У не удержался:

— А почему тогда всё-таки не стали развивать туризм? Всё лучше нынешнего было бы. И что это за проклятие?

Цай Юй покачал головой:

— Я раньше не жил в деревне, откуда мне знать. Спрашивал стариков — не хотят говорить.

— А про свадебные обряды тоже не знаешь?

— Ну а откуда, я ж не женат. До этого учился за пределами. Полгода деньги копил, а меня жулики облапошили. Вот и вернулся, чтоб снова накопить и в город рвануть, — Цай Юй пустился в жалобные воспоминания.

Разговор длился недолго — Чжоу У, сидевший в стороне и слушавший, начал клевать носом. Насыщенный день, ночь в машине — стоило расслабиться у жаровни, как усталость нахлынула волной.

В комнате Чжоу У и У Яо был отдельный санузел; в других — один на две комнаты.

Согревшись у огня, Чжоу У собрал остатки сил и юркнул в ванную мыться.

Стоило зайти — и он ощутил, что для его мерзлявого организма это место совершенно недружелюбно. Он недооценил силу здешнего холода.

Здесь не было электрических обогревателей для ванной. Хорошо хоть горячая вода была действительно горячей, а то он с У Яо и правда рисковал остаться здесь навеки.

Дрожа как в лихорадке, он натянул одежду и мигом нырнул под одеяло. У Яо принял эстафету — пошёл мыться.

В комнате было маленькое окно с помутневшим от времени стеклом. За окном, видимо, снова пошёл дождь — сквозь стекло почти ничего не разглядеть.

Чжоу У поставил телефон на зарядку, повернулся на бок и стал играть в «маджонг».

Внезапно над головой раздался голос У Яо:

— Во что играешь?

— В маджонг, — ответил Чжоу У. — Присоединишься? Я почти прошёл.

— Нет.

Чжоу У как раз закончил уровень, поднял голову и, заметив, что волосы У Яо сухие, удивился:

— Ты быстро.

— Угу. — У Яо стоял у самой кровати, склонив голову, и смотрел на Чжоу У.

На экране начался новый уровень. Чжоу У снова опустил голову. Играя, он всё сильнее клонился в сон.

Свет в комнате слегка мигал — то ярче, то тусклее. Чжоу У усилием воли продолжал играть. У Яо собрался лечь, и Чжоу У подвинулся к стене, освобождая место:

— Ложись.

Место у стены ещё не согрелось, и Чжоу У чуть не подскочил от холода. Пробормотал жалобно:

— Я тебе, между прочим, постель согрел.

У Яо молча забрался под одеяло. Чжоу У решил, что тот просто устал, и не придавал значения. Постепенно и сам почувствовал: сил больше нет.

Отложив телефон, он повернулся. У Яо оказался прямо перед ним — и почему-то в этот момент пристально его разглядывал.

Чжоу У ни о чём не задумался и коротко бросил:

— Э-э, я спать.

У Яо низким голосом ответил:

— Угу.

Чжоу У медленно закрыл глаза, чувствуя, что уснёт за три секунды.

Сквозь дрему он ощутил, как чья-то рука перебирает его волосы. Через силу приоткрыл щёлочку глаз — это был У Яо.

Ты чего? У него такие холодные руки. Чжоу У нахмурился, что-то пробормотал — но сон не терпел, и в следующую секунду он провалился в забытье.

Когда он уснул, лампа погасла.

Чжоу У спал, свернувшись на боку, зарывшись головой в одеяло — обнажённая белоснежная шея выступала выше подушки.

В темноте по бледной коже, легко и невесомо, скользнули длинные пальцы — от изгиба шеи к обнажившемуся от переворота уголку плеча.

<http://bllate.org/book/22494/2373453>